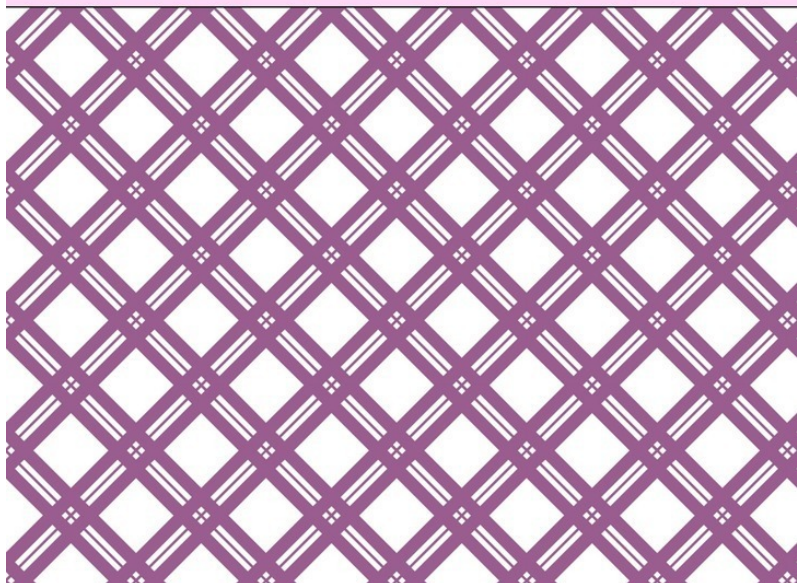

Анна Евсева

Шум города

мини-роман

Анна Евсеева
Шум города. Мини-роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143925

ISBN 9785448347597

Аннотация

Автор не эксплуатирует специальные пристрастия наших старушек и не стремится превратить литературу в доходное предприятие, а сочиняет прозу, исходя из того же, из чего исходили Зинаида Гиппиус и Вера Панова, то есть неведомо из чего. Вячеслав Пьецух

Шум города

Мини-роман

Анна Евсеева

© Анна Евсеева, 2016

ISBN 978-5-4483-4759-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие Вячеслава ПЬЕЦУХА

О книге Анюты Евсеевой

Эта книга должна заинтересовать читателя по трём причинам.

Во-первых, потому, что автор её бесстрашно выбивается из традиции, сложившейся в нашей литературе за последние двадцать лет. То есть автор, хотя и принадлежит к прекрасному полу, однако же гнушается детективным жанром и не сочиняет умильных любовных историй для дам преклонного возраста, не знающих, чем бы себя занять.

Оригинальная позиция автора тем более заслуживает почета, что все козыри на руках у её товарок по перу: дело их прибыльное, не особенно мудрёное, и читатель пошёл невзыскательный, хладнокровный, которому что книжку в руки взять, что спицы для вязания – всё одно.

В том-то всё и дело, что Анюта не эксплуатирует специальные пристрастия наших старушек, и не стремится превратить литературу в доходное предприятие, а сочиняет прозу, исходя из того же, из чего исходили Зинаида Гиппиус и Вера Панова, то есть неведомо из чего.

Труд сей, надо заметить, в наше время рискованный и неблагодарный, поскольку национальная культура, кажется, сломалась и, кажется, навсегда.

Во-вторых, проза Анюты должна заинтересовать читателя по той причине, что хотя она и женская (проза точно бывает плохая, хорошая и женская, ибо женский мир капитально отличается от мужского, как увещевания от УК), ориентиры её скорее традиционно мужские, или по-хорошему традиционные вообще.

С одной стороны, это значит, что автору претит пустое увеселение читателя, что он не досадит ему утомительной наблюдательностью, жеманным синтаксисом, бессмысленными диалогами и так называемым потоком сознания, который редко перетекает в художественную мысль. С другой стороны, это значит, что автора прежде всего занимают движения души человеческой, тянущейся к непознано возвышенному вопреки гнусным обстоятельствам бытия, и, стало быть, он орудует в правилах доброй русской прозы, пускай даже не толстовского накала, а только ориентированной на него.

В сущности от высших образчиков изящной словесно-

сти проза, так сказать, ориентированная отличается единственно тем, что она не преобразует количество слов в качество откровения. Но тут уже ничего не поделаешь, поскольку женщинам в принципе не даётся субъективно-идеалистическая философия, а мужчины в принципе не способны за тысячи километров почувствовать чью-то боль.

В-третьих, эта книга неизбежно заинтересует читателя потому, что Анята Евсеева открывает мир, ещё путём не исследованный нашей литературой: сферу ощущений, мыслей и поступков нашего соотечественника, оказавшегося в Западной Европе то ли на время и волей случая, то ли принципиально и навсегда.

Сфера эта сулит значительные открытия и весьма трогательна для нашего национального сознания, поскольку мы всегда жили по Герцену, как русские аристократы и граждане мира, даже если по паспорту значились из Торжка. Причём почти всегда выходило так, что и родина нам не мила, и чужбина раздражает, и в Чертанове неумоготу, и в Базеле жить нельзя.

И это вовсе не удивительно, ибо мы мыслим как европейцы, а живём как простодушные дикари. Кажется, именно об этом книга Аняты Евсеевой, о русской неприкаянности как способе бытия. Сей феномен не всегда разглядишь за развитием сюжета, речами и действиями персонажей, но это случается сплошь и рядом, что книги оказываются толковее своих создателей (как это случалось, например,

с Гоголем), собранной и острой.

Вячеслав ПЬЕЦУХ 15 мая 2004 г. Москва

«Так и брели они сквозь века, эти таборы цыган с загадочными лицами, шарлатаны, по глазам угадывавшие, что вас ждёт: они никогда не ошибались, если речь шла о любви или смерти». Ромен Гари «Европа»

– Для меня секс – какое-то непостижимое понятие, я не понимаю, что такое секс, зачем он нужен и кому может приносить удовольствие...

Вообще-то не очень ясно, был ли у неё секс в принципе, и трое детей – далеко не показатель богатой чувственной жизни. Она так просто говорит об этом, и не только об этом – буквально обо всём, говорит с той лёгкостью, с какой великие актеры играют свои роли – так, что неискушённому зрителю незаметно, сколько усилий и старания вложено в эту простоту.

Она приходит ко мне в мастерскую, полная безразличия ко всему, что её окружает и что ей встретилось по дороге. Садится в кресло и всем своим видом показывает: ей всё это абсолютно не нужно – ни моя мастерская, ни я сам, ни портрет, хотя он уже почти готов. Не нужно потому, что не она его заказывала, а её муж.

О её муже я уже знаю дикие подробности, и подобным знанием – я убеждён – не сможет похвастаться ни один уролог, проктолог или дантист – из тех, что его обслуживают.

Она выложила мне все детали их интимной жизни – «и это, по-вашему, можно назвать сексом!» – она рассказала, сколько у него вставных зубов – «а ведь он продолжает выдавать их за свои!», и о том, что в его сердце давно стучит искусственный клапан, и вероятно жить ему осталось не так уж долго, если он не прекратит вести тот образ жизни, к какому привык.

Она знает меня ровно с тех пор, когда я начал писать её портрет, а рассказывать начала с первого же дня, как только попала ко мне в мастерскую. Иногда я ловлю себя на мысли, что она мне нравится, и о том, что такое секс, я объяснил бы ей с огромным удовольствием. Но у меня старый принцип – никогда не спать со своими моделями! Это закон жизни, это обет, данный мной моей профессии.

Мой друг и компаньон Николас – примерный семьянин, он верный муж и любящий отец. За долгие годы супружеской жизни никогда не изменял своей жене. Ему даже в голову это не приходило. Мы с ним превосходно понимаем друг друга – Николас верен жене, а я никогда не изменяю своим принципам. Хотя можно себе представить, сколько соблазнов встречалось на пути за время нашей жизни в Париже.

Были и весьма недвусмысленные предложения, и уговоры, и попытки шантажа, и даже слёзы. Но мы с Николасом всегда оставались верны себе – в нашем деле репутация занимает не последнее место.

Глядя на Нелли, я стараюсь не думать о человеческой при-

роде. Женщина, пришедшая ко мне в мастерскую, – это всего лишь объект для изображения на холсте или на бумаге. Ведь невозможно даже вообразить себе, чтобы художник воделел натюрморт или пейзаж! Я подобного случая не припомню, хотя это любопытная тема для философской беседы с Николасом в ближайшую пятницу, за стаканом виски и сигарой. Нелли ничего не знает о моих мыслях, да и если бы знала, это ровным счётом ничего бы не изменило в наших отношениях. Ей главное, чтобы её слушали. Нелли обо всем говорит с лёгкостью, словно в том, что она говорит, нет ничего особенного, будто она передает мне сводку погоды или расписание сеансов в ближайшем кинотеатре. Как о сексе, так и о том, что муж когда-то изнасиловал её, когда ей было всего тринадцать, не найдя лучшего аргумента для того, чтобы её мать согласилась выдать за него свою малолетнюю дочь.

Даже об этом она говорит монотонно, без выражения, и эта странная её особенность совершенно сбивает с толку. Через мою мастерскую проходят десятки людей, кого здесь только не было за долгие годы – тайные любовники и любовницы, «звезды» и члены кабинета министров, официальные жёны, мужья и дети, короли, принцессы, бизнесмены – и все они, как один, по неизвестным причинам всегда торопятся раскрыть мне как можно больше разных тайн.

Стоит мне взяться за кисти и краски, как они на дикой скорости начинают выбалтывать такие детали, что хочется

заткнуть уши и зажмуриться, потому что порой, наслушавшись, я начинаю беспокоиться о собственной безопасности. Если бы я был подонком, то продал бы всю эту информацию за безумные деньги. Но я не сволочь, о чём бесконечно сожалею, поэтому никто и никогда – во всяком случае от меня – не узнает, зачем любовник принцессы Штефани поставил шапиту на берегу Цюрихского озера.

Мой добрый друг, мой старый сумасшедший попугай Илидор, он старше меня наверно на девяносто девять лет – его макушка совсем облысела, и теперь он похож на монаха-капуцина – Илидор целыми днями сидит в своей клетке и панически боится выходить наружу. Бедный Илидор, он наслушался таких безумных рассказней разных важных персон, что теперь страдает агорафобией. Он сидит молча, нахохлившись, и лишь когда за гостем захлопывается дверь, высказывает своё мнение:

– Кретины! Кретины! Не боятся Судного дня! – и мне остаётся с ним только согласиться.

Последнее время Илидор совсем постарел и слегка тронулся: теперь он периодически затевает странную игру – повисает на жёрдочке вниз головой, держась одной лапкой, а второй расчёсывает свою макушку капуцина. Он чешется так часами, а когда ему надоедает, выпускает жёрдочку из лапы. Он падает, с громким стуком ударясь головой об пол клетки, потом встает и отряхивается:

– Что вы делаете, уроды!

Ещё одна живая душа, посвящённая в государственные и дворцовые тайны, которые превращаются в светскую болтовню в стенах моей мастерской – это Николас. И своим благополучием я обязан Николасу, ведь это ему пришла в голову идея: к живописному портрету прилагать портрет астрологический. Николас не только безукоризненно знает тайны небесной геометрии, но и наделён фантастической интуицией, и это позволяет нам вместе зарабатывать неплохие деньги. Не то, чтобы мы имели с ним банковский счёт, подобно мадам Бетанкур, заполонившей мировые прилавки дешёвой косметикой, но и наших заработков вполне хватает на жизнь. Николас не стар, ему чуть за сорок, хотя любовь к жареным на сливочном масле пампушкам сделала его грузным, и – как ни странно – это пошло на пользу нашему делу, я заметил, что клиенты охотнее верят крупным людям.

Очевидно, они думают, что настоящая правда выступает исключительно в тяжёлом весе. Когда Николас, шумно отдуваясь в густые усы после крутой лестницы, которая ведёт к моей мастерской, валится в кресло, вытирает платком взмокший лоб и, почти не глядя на очередную посетительницу, тихим голосом произносит:

– Ну что ж, мадам, вчера был не ваш день... Надо было хотя бы одним глазком заглянуть в гороскоп прежде, чем идти на такой опрометчивый шаг... – он поднимает взгляд на клиентку, которая во все глаза смотрит на него и уже дрожит от предвкушения единственно верного совета.

О его способностях среди парижской элиты ходят легенды, слава его распространилась за пределами Франции, и благодаря этому мы имеем немало клиентов. Часть из них использует возможность познакомиться с Николасом, заказывая у меня свой портрет. Но Николас – честный компаньон, он всегда говорит, что астрологический портрет прилагается исключительно к портрету живописному. Так Николас зарабатывает свой авторитет, и, кроме авторитета, зарабатывает деньги на то, чтобы переехать в Базель, где живут его жена и двое сыновей. К своей семье он относится с поразительной нежностью, и это делает ему честь.

У меня нет семьи и, похоже, не будет. Я – признаюсь – не умею хранить верность, часто увлекаюсь и очень быстро теряю интерес. Я где-то слышал, что непостоянство – признак таланта. И могу с этим только согласиться. В любви я люблю саму любовь – умопомрачительное чувство легкого волнения, которое приятно теребит нервную систему. Я назвал бы это ощущение состоянием «первизны». Видимо поэтому я почти всегда чувствую влюблённость в свои модели, и это помогает мне изображать их во сто крат одухотвореннее, чем они есть на самом деле. Но эта влюблённость моментально проходит, как только я заканчиваю портрет. И многих это оставляет в полнейшем недоумении. Некоторые даже делают попытки продолжить со мной задушевные разговоры, но я перестаю понимать, о чём и как с ними разговаривать. А ещё чаще – прекращаю подходить к телефону. Ведь

мои модели не должны вызывать у меня никаких желаний и никаких чувств, кроме единственного – перенести неповторимый образ на холст, затем получить слова благодарности и конверт с деньгами.

В Нелли чувствуется какая-то странная жестокость, и это проскальзывает во всём – не только когда она о чём-то рассказывает, но и когда молча скользит взглядом по моим картинам, безучастно, просто так – и я абсолютно убеждён, что она ничего не понимает в живописи.

– Мне так странно, – её монотонный голос снова звучит в моей мастерской. Притих Илидор, но я точно знаю, что он прислушивается. – Это совершенно непостижимо, что человек может полностью сгореть, и останется какая-то чёрная неузнаваемая мумия, сухая и бессловесная. Возьми её в руки, и она рассыплется...

Меня передергивает, и я уверен – передёргивает и старого Илидора, я слышу шорох его крыльев из клетки. Нелли тоже слышит.

– Кто у тебя там?

– Попугай.

– А почему под тряпкой?

– Он боится открытого пространства.

Нелли несколько секунд смотрит на чёрную тряпку.

– А давай его выпустим?

– Зачем? – ужасаюсь я её детской глупости и представляя панику несчастного Илидора, если он окажется вне клетки.

– Посмотрим, что будет, – безучастно отвечает она и тут же забывает, о чём говорила.

Мне ненавистна даже сама мысль о жестокости, меня передергивает от любого натурализма. Наверное поэтому в моей мастерской нет телевизора, я не покупаю газет. О том, что происходит в мире, я узнаю от своих клиентов, потому что, на самом деле, этот мир происходит в моей мастерской. Именно здесь совершаются государственные перевороты, падает и взлетает курс евро, разоряются крупные компании, здесь намечаются маршруты ядерных ракет, а это значит – именно в моей мастерской решается судьба земного шара. Я сотни раз объяснял Нелли, что не нуждаюсь в лишней информации, тем более что в телевизоре она недостоверна, так как я – возможно, единственный человек на свете – который узнает правду из первых рук, сразу, как только она появляется на свет, ещё не в деформированном виде. Но Нелли кажется, что отсутствие телевизора – это брешь, которую она постоянно старается заполнить, рассказывая мне жуткие истории. Страшно смотреть, как её нежный рот с полнейшим безразличием изрыгает чернуху. Мне в такие моменты вспоминается прекрасная царевна, изо рта которой выпрыгивали лягушки.

– Вчера один коммерсант, – нежно и равнодушно вещает Нелли, – выпал из окна двенадцатого этажа. Разбился насмерть, – она усмехается каким-то своим мыслям. – А его мозги разметало по асфальту так, что дворники лопатами

не могли отскрести. Омерзительная лягушка сделала своё дело – она выпрыгнула изо рта и, сделав несколько кругов по комнате, попала в мои уши, а дальше поползла по капиллярам, венам и артериям и закипела в моем воспалённом мозгу дикой картиной случившегося, которая теперь скоро выйдет из памяти.

Портрет Нелли заказал её муж, тот самый, который изнасиловал её в тринадцатилетнем возрасте. Я видел его только однажды, когда он пришёл договориться со мной о работе. Он стремительно вошёл в мастерскую, разом окинул висящие на стенах работы, кивнул и быстро сказал:

– Мне бы хотелось, чтобы вы написали портрет молодой леди. О деньгах не беспокойтесь. Сколько это займет времени?

– Я должен хотя бы взглянуть на леди, – ответил я.

– Думаю, её внешность не оставит вас равнодушным, – усмехнулся он, – пару месяцев хватит?

– Надеюсь, – кивнул я.

Он коротко попрощался и ушёл. Когда я вспоминаю этого сухого, убелённого сединами человека, в моей голове что-то замыкает: я никак не могу свести два образа – насильника и солидного господина – в единый портрет мужа Нелли. И меня не волнует вопрос морали или законного наказания, которое должно было бы последовать. Просто муж Нелли раздваивается, его длинное тело разваливается и эти две половинки не в состоянии сойтись, они тянутся друг к дру-

гу, но между ними всегда остаётся неодолимое расстояние, и они распадаются на моих глазах, при этом почему-то растекаются мозги по асфальту, которые дворники соскребают деревянными лопатами.

Я трясую головой, потому что понимаю, что устал, переутомился, мне надо отдохнуть, так как нереально писать портреты по шестнадцать часов в сутки. Даже если эти портреты заказывают такие достойные и уважаемые люди, как муж Нелли.

«О деньгах не беспокойтесь!» Хотел бы я не беспокоиться о деньгах! Я ложусь на диван и думаю о Нелли. Она появилась у меня и казалась слишком скованной. Похоже, она сама себе была неинтересна. Сначала я почему-то подумал, что она очень счастливая и уверенная в себе женщина. Я ненавижу слово «счастливая», но иногда оно очень помогает точнее сформулировать нужную мысль. Оно заменяет многие слова – пресыщенная, безразличная, равнодушная, капризная. Да, мне казалось, что она – банально счастлива: богатый муж, сытые дети и она сама – ещё слишком молодая и безмерно красивая, красивая до неприличия. Она никогда не говорила о своих детях, однажды объяснив это тем, что у всех эти рассказы одинаковы, и зачем рассказывать то, что и так каждому известно. Это потрясло меня – на свете нет женщины, которая не любит говорить о своих детях. Интересно, приходило ли ей когда-нибудь в голову поставить над ними какой-нибудь дикий эксперимент – типа того, что она

хотела устроить со стариком Илидором?

Я смотрел на портрет молодой женщины в нежно-голубом платье. Я всегда вывешиваю на самое видное место именно тот портрет, который плохо получился. Хотя как я могу повесить удачную работу? Её же немедленно заберёт заказчик. Тот портрет заказал мне известный певец-гомосексуалист. Я не знаю, кто эта женщина, потому что писал по фотографии. Певец заплатил за портрет пять тысяч евро, авансом, и сказал, что она сама должна прийти за портретом, но никто не пришёл, и портрет остался у меня. Он висит на стене в качестве назидания – никогда не писать в такой манере, словно это ледяная скульптура.

Как-то, глядя на портрет, Нелли долго молчала, потом сказала:

– Мне кажется, что это утопленница. Я чётко вижу, как волной её прибивает к берегу, волосы разметало водой.

– Какая жестокая романтика, – вздохнул я, – надо его выбросить.

– Только знаешь, – вдруг добавила Нелли, – её сначала убили, а потом бросили в воду.

– Господи! – воскликнул я. – Откуда такие кровавые подробности?

– Потому что если бы она просто утонула, то была бы распухшей, воды бы наглоталась. А раз она целёхонькая, значит – в воде она уже не дышала! – и Нелли победно посмотрела на меня.

– Да кто тебе сказал, что она вообще утонула! – заорал я. – С чего ты взяла такую чушь!

– Но ведь ты сам говорил, что никогда не видел её живой. Действительно, подумалось мне, ведь я никогда не видел живой эту женщину. Может, стоит написать заявление в полицию и указать телефон того гомосексуалиста, который принёс мне фотографию?

– Это любовь, – объяснил я, – безответная любовь. Это её образ.

– Я ничего не знаю о любви, – вздохнула Нелли, – я чувствую себя ущербной.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – осторожно предположил я.

– Нет, не преувеличиваю, – невозмутимо ответила Нелли, – но ты же обо мне ничего не знаешь. Я живу с параноиком и садистом. Он издевался надо мной всю мою жизнь.

– Зачем же ты вышла за него замуж?

– А я и не выходила. Он изнасиловал меня. А потом он купил мою маму, подарив ей виллу. Мы переехали сюда из Латвии, а когда я была маленькая, мама танцевала в стриптизе. Мы жили по подвалам или в гримёрных, а мама всю жизнь мечтала о вилле! Вилла – это мечта всей её жизни! И всё потому, что какой-то кретин вбил ей в голову, что она настолько красива, что, окажись она в Европе, на ней немедленно женится швейцарский банкир. Но мы переезжали из города в город, а банкир так и не попадался. Затем появился

мой будущий муж, сначала он был маминим... другом. Как-то увидел меня, мне было тринадцать. И он воспользовался моей незащищённостью. А потом всё ещё проще – обнаружилось, что я беременна! И что мне было делать? С мамой они договорились, он подарил ей одно из своих шале в горах. И мама растаяла, оформила документы о том, что я старше на несколько лет. И дело было сделано.

– А второй ребенок? А третий?

– Муж забивал мою волю. Все годы он приставлял ко мне то охрану, то врачей. Они не давали мне сделать ни одного самостоятельного шага, всё время контролировали мои действия, постоянно внушали, что я самая счастливая. А на самом деле я всю жизнь прожила в аду!

– Ты могла убежать от него! – воскликнул я, поражаясь подобному средневековью.

– И танцевать в стриптизе? – удивилась она.

– Нет, он – отец моих детей, и этого достаточно, чтобы уважать его. А потом я всегда жила обеспеченно, как за каменной стеной.

– А где твой отец, Нелли? Как он относится ко всему этому?

Нелли удивлённо подняла глаза.

– У меня никогда не было отца, – уверенно ответила она.

Странное ощущение: иногда мне кажется, что все мои персонажи, оказавшись в роли моделей, стараются как можно сильнее потрясти моё воображение, мужчины пытаются

выдавить слезу и вызвать сочувствие, или наоборот – кичатся своими возможностями, рассказывая, какое влияние они оказывают на президентов и королей, а женщины стараются посильнее шокировать, рассказывая об ужасах, которые им пришлось пережить в жизни, причём все эти ужасы они терпели от тех же самых королей и тех же самых президентов. Никто не знал и никто не мог проверить, что из этих рассказов – правда, а что ложь. Я выслушивал каждого и каждую с большим сомнением, ведь это особенность человеческой природы: если человек выступает инкогнито, то его тянет наговорить о себе лишнего, а скучную правду он прячет вместе со своими документами. Наверное, это происходит потому, что реальная жизнь так же скучна как подлинные удостоверения личности, ведь в них ничего не приукрашено – эту мысль подсказал мне Николас. Но Нелли я верил безоговорочно. Правда, при этом я часто не верил собственным ушам.

– А чем занимается твой муж?

– Лучше не спрашивай, – отмахнулась Нелли, – по сути он – игрок. И первые свои крупные деньги выиграл в казино. И, по-моему, здорово смухлевал. Когда был моложе, рисковал головой ежедневно, сейчас постарел, ведёт себя тише. Но я точно знаю: ему гореть в аду! Хотя мы все не без греха, но его уж точно ждет раскалённая сковородка. С кипящим маслом.

– Кретины! Кретины! Не боятся Судного дня! – проснулся

под своей тряпкой Илидор.

– Покажи мне его, – попросила Нелли.

Я подошёл к клетке и приподнял тряпку. Илидор висел головой вниз и чесал макушку, держась за жердочку лапкой. Увидев нас, он прекратил свое занятие и замер.

– Он похож на летучую мышь, – сообщила Нелли. Илидор вопросительно посмотрел на меня и, расслабив коготки, полетел вниз и шмякнулся головой об пол клетки. Нелли оторопела. Илидор встал и отряхнулся.

– Папа, дай водички, – проскрипел он.

– Вот придурок! – изумилась Нелли.

Я часто удивляюсь, почему многие люди думают, что они сблизилась со мной? Причем сблизилась до такой степени, чтобы оскорблять моего попугая! Никогда я не терпел критики в его адрес, а уж тем более – оскорблений. Он – редкое создание, чистое, непорочное, бескорыстное! Я не переносу, когда кто-то приходит в мой дом и начинает смеяться над Илидором или – того хуже – отпускает идиотские реплики, вроде «какой уродец!» или «лысое чучело!». Никто не даёт права посторонним людям насмеяться над нашими близкими, и неважно, кто это – член семьи, собака, попугай или таракан. Мой дом – это моя территория, и я ненавижу, когда кто-то вторгается в моё пространство, тем более – таким образом. Мне часто хочется, обратившись ко всем в мире, вежливо сказать:

– Господа, если вам что-то не нравится в моей жизни, вы

имеете полное право не иметь к ней никакого отношения!

На самом деле люди чаще раздражают меня, чем радуют, и я никак не могу перебороть это раздражение. Мне хочется побыстрее остаться одному, чтобы успокоиться, но раздражение не даёт мне сделать этого. Даже мысли о людях чаще раздражают, чем увлекают. Вот и сейчас – во мне словно что-то сломалось, замкнулись какието проводки – дали искру, подымили и погасли, оставив после себя только не очень приятный запах. Я смотрю на Нелли и думаю, что портрет получается слишком оберточным, будто я пишу его по заказу кондитерской фабрики, и в ближайшее время он украсит новый шоколад, посвящённый женскому совершенству. В нём нет ни жизни, ни характера, ни той злобной монотонности, с которой Нелли рассказывает мне о своём муже, нет того страдания, с которым она желает ему побыстрее разориться и умереть в беславии или сесть в тюрьму.

Одна из моих наиболее любимых вещей – это кресло-качалка. Я разжигаю огонь в камине и сажусь в кресло. Открываю окно, распахиваю его настежь, чтобы в мастерской были слышны гудки автомобилей и голоса торговцев. Шум города действует умиротворяюще, я не понимаю тех, кто стремится жить в тишине. Мне кажется, я не смогу заснуть, не слыша звуков автомобилей, а без звона трамваев быстро зачохну и умру. Николас – наоборот – мечтает жить на природе и поэтому торопится переехать в Базель, на окраине которого, почти на границе с Германией, он в кредит приобрёл двух-

этажный дом. Он мечтает засыпать под журчание воды в Рейне, а просыпаться от пения птиц. Я бы в такой «идиллии» не выдержал и двух дней. Николас называет меня «урбанистический неврастеник», он уверен, что без шума города я сойду с ума намного быстрее, чем сделала это моя тётушка Саля, переехав в Париж из-под Киева и заглянув в ближайший супермаркет.

Помню, она окинула взглядом огромное пространство, заполненное сырами, колбасами, свежим мясом, живой рыбой, овощами и фруктами, и медленно пошла по залу, держась за сердце. Она шла, словно член траурной процессии на похоронах собственных иллюзий и потрясённо говорила:

– Миня, что это? Миня, скажи мне, за что погиб твой дед? Миня, ты помнишь, за что погиб твой дед? Ты не помнишь этого. Ты был слишком мал, чтобы помнить, за что погибали люди! Миня, это что, кто-то всё покупает? И как же это можно всё съесть?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.